

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

Научная статья

УДК 598.279.23:39

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-3-144-220

EDN: JGSOWA

Семантика образа пушного зверя в культуре якутов

Ульяна Петровна Суздалова

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный институт культуры. 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2; хранитель экспозиций музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

upsuzdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7529-7385>

Аннотация. Работа представляет собой исследование, посвященное семантике зооморфных образов, а именно: семиозису образов пушных зверей в культуре якутов: соболя, лисы, песца и других – раскрывается в тесной связи с рядом моментов экологического, промыслового характера и других. Рассматривается вопрос наличия «зооморфного кода» в традиционных культурах, включая культуру саха, участвующую в формировании картины мира, анализируется фольклорно-мифологическое и иные значения пушных зверей.

Охота на пушных зверей была и остается неотъемлемой частью традиционного образа жизни якутов. Данный промысел являлся основой экономического благополучия народа, формируя его социальную структуру и взаимоотношения.

Пушные звери стали органичной частью якутской культуры. В обстановке постоянного выживания на вечной мерзлоте в культуре якутов сложилось почитание тепла, которое считается началом жизни. В статье рассматриваются охотничьи ритуалы, совершаемые при добыче пушных зверей. Анализ фольклорных, мифологических и этнографических источников позволяет систематизировать семантические характеристики образов пушных зверей. Внимание сосредотачивается на спектре значений зооморфных образов, таких как: символ жизни, элемент свадебной обрядности, особый подарок, символ дома, оберег и другой мех в одежде Айыы – духов верхнего мира; рассматриваются названия пушных зверей в якутской ономастике и др.

Работа демонстрирует эволюцию семантики образов пушных зверей от традиционных представлений до их современного использования в разных областях культуры Якутии. Отдельное внимание уделяется проявлению образов пушных зверей на современном этапе развития культуры якутов (в геральдической символике Республики Саха (Якутия) и других сферах).

Ключевые слова: зооморфный образ; зооморфный код; традиционная культура якутов; охотничий промысел; пушной зверь; эпос; олонхо; соболь; лиса; горностай; обряд; ритуал; современная культура якутов; геральдика

Для цитирования: Суздалова У. П. Семантика образа пушного зверя в культуре якутов // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 3 (144). С. 220–228. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-220>. <https://elibrary.ru/JGSOWA>

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

Original article

Semantics of the fur-bearing animal image in the Yakut culture

Ulyana P. Suzdalova

Postgraduate student, St.-Petersburg state institute of culture. 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 2; curator of the expositions at the Anna Akhmatova museum in the Fountain House

upsuzdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7529-7385>

Abstract. The work is a study devoted to the semantics of zoomorphic images, namely the semiosis of images of fur animals in the culture of the Yakuts: sable, fox, arctic fox, etc., is revealed in close connection with a number of moments of ecological, commercial nature, etc. The issue of the presence of a «zoomorphic code» in traditional cultures, including

the Sakha culture, participating in the formation of the picture of the world is considered. Folklore, mythological and other meanings of fur animals are revealed.

Hunting for fur animals was and remains an integral part of the traditional way of life of the Yakuts. This trade was the basis of the economic well-being of the people, forming its social structure and relationships.

Fur animals have become an organic part of the Yakut culture. In environment of constant survival on permafrost, the Yakut culture has developed a reverence for warmth, which is considered the beginning of life. The article discusses hunting rituals performed when hunting fur animals. The analysis of folklore, mythological and ethnographic sources allows us to systematize the semantic characteristics of the images of fur animals. Attention is focused on the spectrum of meanings of zoomorphic images, such as: a symbol of life, an element of wedding rituals, a special gift, a symbol of the house, a talisman, etc. fur in the clothes of Aiyy – spirits of the upper world, the names of fur animals in the Yakut onomastics are considered, etc. The work demonstrates the evolution of the semantics of the images of fur animals from traditional ideas to their modern use in different areas of the culture of Yakutia. Special attention is paid to the manifestation of the images of fur animals at the present stage of the development of the Yakut culture (in the heraldic symbols of the Republic of Sakha (Yakutia) and other areas).

Key words: zoomorphic image; zoomorphic code; traditional Yakut culture; hunting; fur-bearing animal; epic; olonkho; sable; fox; ermine; rite; ritual; modern Yakut culture; heraldry

For citation: Suzdalova U. P. Semantics of the fur-bearing animal image in the Yakut culture. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (3): 220-228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-220>. <https://elibrary.ru/JGSOWA>

Введение

До появления земледелия и скотоводства человек добывал пропитание тремя основными способами: собирательством, охотой и рыболовством. Человеческая жизнь полностью зависела от условий природы и была связана с ней теснее, чем в более поздние эпохи [Формозов, 1980, с. 9].

Охотничий промысел был характерен для многих культур, в том числе для культур, существовавших на территории современной Якутии. Условия жизни на одной из самых холодных территорий материка обусловили добычу меха и мяса как жизненно важных ресурсов. Не зря мотив коллективной охоты был изображен на скалах бассейна реки Алдан (изображения датированы IV–III тыс. до н. э.) [Окладников, 1979, с. 55–57]. Победить огромного зверя означало накормить мясом семью и соплеменников, шкура, мех добычи могли стать зимней одеждой, обувью или теплой постельной принадлежностью. Данный вид деятельности формировал в культурах соответствующие материальные и духовные ценности. Желание удачной добычи порождало магические ритуалы и заклинания, веру в духа тайги, этические регламенты в отношении к животному миру. Даже с появлением земледелия в регионе охота не потеряла свою значимость, и соответственно, интерес к зверю не был утрачен.

Охотничий промысел, культура обработки и ношения меха, его согревающая функция – стали одной из причин закрепления образов пушного зверя в материальной и духовной культуре якутов. Якутские охотники прекрасно знали поведе-

ние, повадки зверей, на которых промышляли, их анатомию, и даже нрав зверя. Так, в мировоззрении якутов сложилась особая иерархия представителей дикой фауны, которые считались не только объектом охоты и значимым трофеем, но и получили отклик в разных пластах культуры. Среди животных, которые выступали объектом охоты в первую очередь необходимо назвать соболя, лисицу, росомаху.

Шкурка соболя ценилась испокон веков. Показательно, что в начале XVII века ясак состоял почти исключительно из шкурок соболя [Яницкий, 1912, с. 2]. Самая высокая податль называлась соболиной, средняя – лисей, последняя – желудочной [Пекарский, 2008, стб. 1929]. Лучший соболь считался товаром «на государя царя», а торговые люди могли приобретать лишь «худых» соболей, что государевой казне не пригодится [Яницкий, 1912, с. 10]. В «меновоей книге» Ленского острога говорится о том, что за 40 соболей полагалось 11 фунтов синего бисера; в другой говорится о мене мягкой рухляди «на государеву муку» [Яницкий, 1912, с. 15]. Кроме определенного количества ясака население Сибири приносило «поминки» – добровольные дары мехами государю. Каждая шкурка имела метку ясачная или поминочная, с хвостом или без хвоста, чтобы хвосты не отрезали по дороге [Яницкий, 1912, с. 22].

По материалам путешественника, географа А. Ф. Миддендорфа, осваивая Сибирь, русские встречали кочевые племена, которые не только носили собольи шубы, но и употребляли собольи и бобровые шкуры на подошвы своих лыж. За

железный котел в то время давали столько соболей, сколько в него входило, а за нож платили 6 соболей. В те времена превосходному охотнику в самом счастливом случае удавалось добывать в год до 100 соболей [Миддендорф, 1869, с. 77].

После интенсивной добычи соболя в 1730-50-х годах в ясажном сборе соболей заменили лисицы [Гурвич, 1949, с. 7]. Лиса считается одним из дорогих зверьков Якутии. Ни один пушной зверь не представляет собой столь разнообразных оттенков в окраске меха, как лисица. Начиная со светло-желтого, почти белого цвета, встречаются различные переходы цветов вплоть до черного цвета; от этих оттенков и зависит ценность меха. Из местных пород лис самой массовой является огневка ярко-рыжей окраски [Николаев, 2009, с. 199]. В дореволюционной Якутии, по рассказам самых старых промысловиков и по сведениям устных народных преданий, самой дорогой из чернобурых считалась «с белым солнышком на груди» [Николаев, 2009, с. 200].

Результаты исследования

Пушной зверь в охотничьих ритуалах. Результатом особого отношения к пушным животным являются обряды при их добыче. Сезон охоты на пушного зверя открывается в октябре, когда зверь оставляет следы на поверхности снега. Приведем известные правила и обряды, которые неукоснительно соблюдают и многие современные охотники.

После добычи соболя производится обряд символической заботы, в ходе которого охотник или домочадцы намазывают пасть зверька маслом и произносят благословение: «Милый соболь с драгоценной шкурой, знай, что теплый дом здесь. Угощайся маслом, все рады тебе, всегда заходи». Затем подносят зверька к теплой печи, тогда этот зверек и впредь будет попадаться – дух тайги Байанай будет делиться.

Есть и другие вариации обряда. Например, зверька просили передать собратям, чтобы они также заходили в гости и он сам бы не забывал посещать хозяев. Затем зверьку-гостю закрывали глаза, покрывали платком (самку) или шапкой (самца) и придавали ему вид спящего. В это время следовало соблюдать тишину, громко не разговаривать и не звенеть металлическими предметами. Тушку зверя обносили вокруг огня три раза, а потом выносили и помещали на ветвях дерева. Через три дня, иногда раньше, снимали шкурку [Гурвич, 1977, 203].

В глазах населения пушной зверь имел высокую ценность, это подтверждает отношение домочадцев к добыче охотника. Помимо того, что пушного зверя принимали как почетного гостя, женщины оказывали ему особую честь, приветствуя песней, что не совершалось, когда добывали лося или дикого оленя. Иногда убитого зверька заносили в жилище не через дверь, а протаскивали под урасой или спускали внутрь жилища через дымоход, если жили в юрте. Зверька помещали против входа на месте, предназначенном для почетного гостя. Затем охотник доставал Эсэжэна (фигурку духа охоты), мазал его жиром и благодарил (каждый охотник для этого имел свое заклинание). Одновременно кормили огонь. Мать охотника – или другая, как правило пожилая женщина – ухаживала за «гостем», смазывала морду зверька жиром и в рот ему клала кусочки сала. После этого она обращалась к зверьку с песней. Пример такой песни мы встречаем в труде советского этнографа И. С. Гурвича «Культура северных якутов-оленоводов»: *«Сверховьев рек да речек согнанные, / С трущоб да чащ лесных отборные, / По распадам да ложбинам бродящие, / По долинам да равнинам бегающие, / В черканы моего дитяти / Попадайтесь да приходите! / С полянок, с полянок соберитесь, / Со всего Оленека в черканы моего сына попадитесь»* [Гурвич, 1977, с. 202].

Обрядом «гостеприимства» по отношению к пушной добыче и ритуальным кормлением соболя маслом (салом) пытались сохранить охотничью удачу. Иногда охотники даже устраивали праздник, приглашали соседей и угощали их. На таком празднике совершали благословение алгыс и танцевали [Гурвич, 1977, с. 203].

Другой вариант встречи «особого гостя» описан якутским фольклористом А. Е. Кулаковским. Охотник, убивший лису, не сразу входил в дом, стучался и говорил: «Пришел Байанай (дух охоты)». Тогда кто-нибудь из семьи выносил шапку во двор. Охотник обертывал в нее добычу, при этом стараясь закутать голову, в первую очередь – глаза. Потом он входил в дом, не показывая лису огню. В этот момент домашние кормили огонь молочной пищей, тем самым благодарили духов охоты и огня [Кулаковский, 1923, с. 93]. Лисицу не показывали огню, поскольку якуты считали, что дух огня брезгует несъедобным, следовательно, и нечистым животным – лисой. Было и отдельное обрядовое действие, где убитую лису украшали женским серебряным ожерельем, затем вносили в дом через выставленное ледяное окно [Кулаковский, 1923, с. 93]. Отме-

тим, что лиса в фольклоре якутов выступает преимущественно как женский образ.

Мех в одежде Айыы – духа верхнего мира. Культура ношения меха – как неотъемлемая часть традиционной культуры якутов – отражена в мифологии. Примечательно, что богатые меховые одежды, наряды, искусно отделанные дорогим мехом, носили духи Айыы: в первую очередь, рысьи шапки, соболиные шубы и др. Если обратиться к тексту олонхо, то можно обнаружить интересные описания одеяний героев. Например, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» упоминается соболиная шуба богини Айыысыт. Еще один пример – священная богиня, хранительница земли Аан Алахчын, назначенная оживить нагую земную ширь, носит доху из рысьих мехов, высокую шапку из трех соболей, украшенную пером [Ойунский, 1975, с. 16–17]. В 1934 году фольклорист Сэсэн Боло записал легенду со слов олонхосута-импровизатора Д. М. Говорова «Омогой Баай и Эллэй Боотур», где говорится о духе долины Туймаада – Аан Чэлбэй. «Женщина в рысьей шапке и соболиной шубе, вышла из березы с восемью ветками. Благословила и исчезла в ту же березу войдя» [Багдарыын Сялбэ, 1982, с. 13].

Указанная семантика сопричастности меха и меховой одежды (в первую очередь, благородного и дорогого меха) духам верхнего мира нашла отражение в зимней традиционной якутской одежде. Элементы из меха соболя часто включались в одежду зажиточного населения, что, кроме того, демонстрировало непреходящее присутствие животного в якутской культурной самобытности. Например, жены князей использовали для утепления аксессуаров из цельных горностаевых, соболиных и лисьих шкурок.

Соболь как символ жизни. Жизнь в холодном регионе зависит от тепла. Подобно солнцу, которое согревает землю после протяжной суровой зимы и одаривает ее зеленью, живностью, одежда из меха согревает и окутывает теплом человеческое тело, чтобы он сам мог дать и сохранить жизнь. Недаром появление жизни на Срединной земле в традиционной картине мира саха связано с меховым ложем, которое находит отражение в олонхо. Прародители якутов, господин Саха Саарын и госпожа Сабыйа Баай, в первую брачную ночь возлегли на мягкое соболье ложе [Ойунский, 1975, с. 22–23]. Согласно эпическому преданию, мех соболя согревает и сопровождает якутский народ с самого его сотворения. Сочетание в одном контексте момента

зарождения жизни и соболя указывает на их символическую близость.

Образ соболя, ассоциирующийся с символом жизни, описывается в следующем примере – в эпическом сказании говорится о живой воде, яркой и блестящей, которая хранится в чаше из соболиного черепа, а рядом расположился медвежий череп с мертвой водой синего тусклого оттенка [Ойунский, 1975, с. 173].

Также соболь выступает как **покровитель**. Данная семантическая нагрузка отражена в якутско-русском словаре Э. К. Пекарского. В издании дается определение понятия «киис танара» – от якутского соболя-покровитель, к которому в важных случаях обращаются за заступничеством [Пекарский, 2008, стб. 1109].

Почитание пушных животных находит проявление в якутских сказках, что дает возможность раскрыть те или иные аспекты традиционной культуры саха. Сказки составляют для якутов несомненную ценность, они служат значимым средством сохранения и трансляции традиций, средством воспитания и просвещения. Данный фольклорный жанр тесно сопрягается с поверьями и обычаями, служит важным источником для объяснения многих явлений жизни [Якутские народные сказки, 2008, с. 11]. С помощью сказок якуты раскрывали представления о себе, окружающем мире, выражали свое отношение к животным.

В одной из якутских сказок «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» образ пушного зверя предстает как **символ дома**. Согласно сюжету, старуха Бэйбэрикээн находит в поле цветов и приносит домой. Цветок превращается в девушку под звуки колокольчиков и режущих ножниц. Она оказывается дочерью одного из верховных божеств – Джэллик Джэсэгэя. Девушка спустилась с небес, чтобы стать женой и матерью. По сюжету она выходит замуж за Хаарджыт Бэргэна. Кульминация произведения разворачивается по пути новобрачных в дом жениха. Муж оставляет жену одну, а сам отправляется проверить охотничьи ловушки. Перед отъездом он объясняет жене, чтобы она шла к нему домой одной из дорог по восточному направлению, где на дереве развешаны соболины шкуры, и запрещает ехать по западной дороге с указателем в виде медвежьей шкуры. Тропа, ведущая к местности, где проживает семья мужа, неспроста помечена соболиными шкурами – своеобразным знаком дома, рода Хаарджыт Бэргэна.

Иную трактовку, **связанную с принадлежностью к верхнему миру**, соболь обретает в другой

интерпретации приведенной сказки. Невеста из верхнего мира обладала чудесной способностью: когда она шла, из-под пяток выбегали соболя. Зная об этом, юноши всей местности готовили стрелы. Данный феномен выступает знаком отличия между девушкой, посланной верхними боже-ствами, и девушками среднего мира. В этой же сказке говорится и о злой колдунье, дочери абаасы из нижнего мира, которая обманом пытается выйти замуж за главного героя. Из-под ее ног выбегали черные горностаи, что отражало принадлежность героини к нижнему миру. Это вызвало возмущение у семьи жениха и жителей местности.

Также животные упоминаются в сказках, отражающих различные природные явления и социальные процессы. Например, характеры животных уподоблены человеческим: животные в сказках дружат, общаются, совместно проживают (происхождение мотива совместного проживания во многом связано с традиционным укладом жизни якутов, в котором существовал обычай проживания двух семей в зимнем жилище [Якутские народные сказки, 2008, с. 39]) и т. д. Некоторые сказки отражают конфликты между животными. Животные представляются хитрыми, мстительными, некоторые доверчивыми, глуповатыми [Якутские народные сказки, 2008, с. 40]. С течением времени многие сказки трансформировались из мифов, обретя развлекательный характер и направленность на культуру детства [Якутские народные сказки, 2008, с. 41].

Примечательна сказка об изменении окраса горностая. В устном творчестве якутов есть легенда о том, как на кончике хвоста животного появился черный окрас. Жил у одного старика горностаи. К наступлению холодной зимы пушок горностая погустел и побелел. Старик стал часто уходить на охоту, так как запасал добычу не только для себя, но и для соседа, за которым приходилось ухаживать. Однажды старик обнаружил, что припасы масла уменьшились, а по краям куска виднелись следы острых зубов. Решил старик подстеречь воришку: взял ружье, вышел за дверь, но на охоту не пошел, спрятался. Видит, горностаи подбегает к маслу и начинает грызть остатки. Тогда возмущенный старик схватил кочергу и решил согнать горностая, но тот ловко увернулся и только на кончике белесого хвоста остался след от угля. Так, окрас животного стал отражением взаимоотношений животного с человеком.

Горностаи не являлись важным объектом охоты для якутов. Наиболее вероятной причиной

вхождения горностая как одной из ключевых фигур в мифологию якутов стали особые качества, присущие этому зверьку, нередко выступавшие объектом для подражания. Гибкого, увертливого человека предки якутов сравнивали с горностаем. На основе этого сравнения образ зверька вошел в детскую культуру в качестве игры, способствовавшей повышению физических качеств у мальчиков («кырынаастаасын» – от якутского «подобно горностаю»). Игрок упирается в землю ладонями (руки прямые) и кончиками пальцев ног. По команде ведущего он должен подпрыгнуть вверх, дотронуться руками ушей и приземлиться, не сгибая коленей. Подпрыгивая таким образом, игрок стремится обогнать соперника. Тот, кто не дотронется до ушей или согнет колени, выходит из игры [Федоров, 2011, с. 56]. В наши дни эта игра трансформировалась и стала одним из видов национального многоборья.

Рассматривая образ горностая, стоит упомянуть сюжет оборотничества. Так, герой олонхо, богатырь Юрюнг Уолан превращается в этого зверька, чтобы пройти через тайный звериный проход для добычи живой воды [Ойунский, 1975, с. 173]. От глотка живой воды дивная мощь богатыря удесятерилась, губы заалели, воспрянул отважный дух [Ойунский, 1975, с. 175]. Другой богатырь – Нюргун Боотур – обратился белым как снег горностаем, с чутким нюхом и человеческой речью, чтобы отыскать и спасти сестру Аиталыын Куо [Ойунский, 1975, с. 184–185].

В культуре саха присутствуют и метафоры, связанные с горностаем. Например, якутское декоративно-прикладное искусство содержит множество орнаментов и узоров. Одним из распространенных мотивов является шов «следы горностая» – «кырынаас суола», напоминающий следы зверька [Неустроев, 2010, с. 97].

Наименования пушных зверей занимают важное место в якутской ономастике. Якутские имена, в том числе и прозвища, отражали хозяйственные занятия, социальный строй якутов, описывали морально-нравственные качества человека, иногда характеризовали внешность носителя. Как правило, прозвищное имя давалось окружающими и весьма редко оставалось в секрете. В якутских деревнях и по сей день прозвища выполняют значимую функцию. Наиболее популярным является прозвище «Сасыл» (лиса), то есть «хитрый» человек.

В словаре якутских имен-архаизмов Ф. Г. Сафронова «Дохристианские личные имена

народов северо-востока Сибири» говорится, что появившемуся на свет ребенку чаще давались имена-обереги. Окружавший мир, по представлению якутов, был полон духов – не только добрых, но и злых. Все устройство мира объяснялось действием последних, в том числе и болезнями. Поэтому новорожденного следовало уберечь от болезней, приняв соответствующие предупредительные меры. Среди этих мер немаловажное значение имели имена-обереги [Сафронов, 1985, с. 17]. В частности давались имена, которые устрашали и отпугивали злых духов: «Бёрё» (волк), «Хотой» (орел), «Бэдэр» (рысь). Когда ребенок подрастал, кроме первого имени давали другое, описывающее характер или его физические, интеллектуальные данные, например, «Кырынаас» – горностай, так называли быстрого, подвижного ребенка.

Названия хищных зверей, такие как «Бёрё» (волк), «Бэдэр» (рысь) давались мужчинам для подчеркивания и подтверждения маскулинности. Женщинам зачастую доставались прозвища, связанные с пушной фауной, описывающие внешность, например, девушке со светлой кожей и светлыми волосами могли дать имя «Сасыл» (лиса) – «светлая, как лиса огнёвка» [Багдарыын Сюлбэ, 2004, с. 78]. Со временем под влиянием русской культуры произошло обогащение имен многих народов Северо-Востока Сибири [Сафронов, 1985, с. 15]. В ходе взаимодействия культур некоторые якутские имена записывались и на русский манер, например, человек с именем «Бёрё» мог получить имя «Боря» [Сафронов, 1985, с. 44].

Кроме имен личных, названия пушных зверей используются и для обозначения объектов природы. Названия многих местностей, гор, водоемов Якутии показывают исторические этапы заселения территории, хозяйственную деятельность жителей, географические особенности, приметы местности, в том числе и те, которые в настоящее время в той или иной степени изменились. Об этом говорят топонимы, например: речка Кис Юрях. Якутское слово киис – «соболь», юрях – «речка». Значит, местность, где течет эта речка, славилась соболями. Название поселка Сегэн Кёль Кобяйского улуса состоит из слов сегэн – «росомаха», кёль – «озеро». Топоним свидетельствует о природных особенностях местности, где обитали росомехи.

Семантика особого подарка. Стоимость меха соболя, лисы определялась красотой, качеством и сложностью добычи. К меху относились очень бережно – передавали по наследству. Мех

преподносили в качестве значимого подарка. Например, шуба из шкуры благородного зверя являлась знаковым атрибутом, показателем силы и власти. Сохранилось предание об якуте из рода Тагыс Кобяйского улуса по имени Мэник Тёбё, который в 1637–1638 гг. подарил одному из русских казаков соболиную шубу с лисьими рукавами [Багдарыын Сюлбэ, 1998, с. 19]. Традиция одаривания шубой не всегда связана с экономической выгодой. Жест, описанный в поверье, можно рассмотреть как признак высокого доверия и демонстрацию благосклонного отношения к гостю, подобно бурке и папахе на Кавказе – знак особого уважения. Для того, кто принимал дар, шуба служила знаком инициации. Надев одежду местного населения, пришелец социально интегрировался с ним.

Пушной зверь как элемент свадебной обрядности. Как и у многих народов, в культуре саха о сватовстве договаривались отцы двух сторон. Процесс сватовства состоял из нескольких этапов. Если невеста соглашалась, отцы пожимали друг другу руки. После чего отец жениха преподносил отцу невесты подарок – бурую лису, песца или соболя. Кроме этого, сторона жениха дарила отцу невесты оленя, а ее матери – лисицу или подкладку на шубу из лисьих лап. Эти условия назывались «огонньор тылын, эмээхсин тылын» (слова отца, слова матери) [Гурвич, 1997, с. 123]. Свадебный наряд, в частности пальто невесты, которое называлось тангалай, украшалось драгоценной опушкой из собожьего меха [Захарова, 2004, с. 169]. Кроме того, пушнина входила в приданое невесты: соболь, рысь, отборная черная лиса, дорогая голубая белка и огненно красная лиса.

В мировоззрении якутов лисья шкура обладала **охранительными свойствами**. Так, шкуры рыжих лис (бурой, рыжей с белой отметиной на груди) наравне с другими (шкурами белки, горностая, иногда рыси) использовались невестой в качестве ценного подношения духам двора, загона для скота и т. д. По поверьям якутов, злые духи «иччи», «абаасы» боятся шерсти, пуха, волос животных, особенно рыже-огненной масти, в число которых входили лиса и рысь. Так, например, кусок рысей шкуры в качестве защитной детали присутствовал на свадебных нарядниках якутской невесты [Содномпилова, 2016, с. 53].

Образ пушных зверей как оберег. Якуты верили в существование кут (души) у зверей. По якутским поверьям, душа зверя находилась

в кончике носа [Алексеев, 1980, с. 109]. Снимая шкуру с лисиц и песцов, отрезали им носы и когти, которые потом хранили как амулеты, обеспечивающие удачу в промысле [Алексеев, 1980, с. 97].

Ряд ценных сведений о верованиях якутов имеется в статье А. И. Саввинова, в которой говорится об обычае пришивать на спинку одежды маленького ребенка в качестве оберега металлические пластинки. Один из таких амулетов – «джайаа» – медная бляха, которая по краям имела три отверстия, а в середине – изображение льва. Иногда бляху заменяли другой металлической пластиной, называемой «киис тингилэгэ» (соболья лапка). Подобные бляхи дети обычно носили с того возраста, когда они могли сидеть, и до семи лет, затем украшение снимали. Эти украшения предохраняли детей от болезней спины [цит. по: Саввинов, 2018, с. 32].

Идею связи лисы с женским образом подтверждает наличие женского фетиша в виде лисьей мордочки. Среди личных вещей якутских женщин, которые они всегда носили при себе, включая в состав специальных «боковых украшений» (огниво с сумочкой, игольник, щипчики) [Зыков, 1976, с. 53], был и амулет «сасыл тумса» – «лисий нос», выступавший своеобразным охранителем женщин [Алексеев, 1975, с. 39–40]. Частный пример, иллюстрирующий использование амулета «лисий нос» – оберег женщин при родах [Неустроев, 2010, с. 121]. В словаре Э. К. Пекарского дается следующее описание «сасыл тумса»: женский талисман из конца лисьей морды с усами, шитый серебром и шелком, с бисером разных цветов и разными мелкими серебряными бляхами (у вилюйских якутов) [Пекарский, 2008, стб. 2812].

Вилюйские якуты при проведении обряда испрашивания ребенка изготавливали маленький берестяной турсучок, украшенный искусной резьбой. Внутри турсучка богатые якуты устраивали подобие птичьего гнезда из лисьей, собольей или рысей шерсти, а бедные – из заячьей. В это гнездо клали два небольших, вырезанных из дерева изображения птицы. В эти изображения шаман внедрял кут ребенка [Алексеев, 1980, с. 143–144].

Помимо оберегающего смысла, образ лисы обладал и отрицательной коннотацией, ассоциируясь с болезнью. Якуты называли желтуху – «сасарар ёлуу», «сасарар ыарыы», что означало «желтая смерть» или «желтая болезнь». При заболевании кожа больного покрывалась желтым

цветом, из-за этого в народе появилось определение – «сасыл ёлуу», то есть «лисыя смерть» [Пекарский, 2008, ст. 2130].

Помимо указанных выше коннотаций названий пушных зверей, возникших в традиционной культуре якутов, отметим, что указанные образы нашли свое проявление (в том числе семантические трансформации) в феноменах, появившихся в результате взаимодействия с русской культурой, интеграции и вхождения в состав российского государства, начавшейся модернизации и межнационального диалога. Одной из таких сфер выступает **геральдика Республики Саха**.

Рассмотрим геральдические щиты с изображением соболя. Пушной зверек украшает герб Алданского улуса. Над волнистой лазоревой линией – символом реки Алдан, изображены обращенные друг к другу серебряные медведь и соболь, держащие лапами солнце с золотыми лучами. Алданский улус известен как богатый пушнинаой край и символизирует основной вид промысла местного населения – охоту. Также обратимся к геральдическому щиту Верхнеколымского улуса, где на зеленом фоне наряду с парусно-гребным судном, означающим открытие и освоение казаками берегов реки Колымы, расположился соболь темного окраса, который являлся главным предметом меховой торговли местного населения с русскими. Оживленная торговля пушнинаой была налажена уже во второй половине XVII века. Торговцы пробирались в самые дальние места: в Анадырский острог из Якутска через Верхоянский, Зашиверский и Колымский остроги [Яницкий, 1912, с. 4].

Золотым окрасом наделен соболь на гербе Жиганского района; зверек выступает символом борьбы со злом. Герб Кобяйского улуса показывает богатство местности полезными ископаемыми, а именно углём и газом. На лазоревом поле запечатлен сидящий с подогнутым хвостом серебряный соболь с черными носом, грудью и концами лап. По легенде, соболь, выкапывая из земли уголь, запачкал свой белый мех. Эмблемой Усть-Майского улуса выступает золотой соболь с опущенным хвостом. Идея сюжета закреплена в цветовом оформлении центральной фигуры – основной промысловый вид пушного зверя, считающегося «мягким золотом». Соболь червленого окраса является одной из главных фигур герба столицы республики – города Якутска, символизируя природные богатства якутской земли. На щите соболь изображен в когтях черного орла, который символизирует власть.

Таким образом, пушные звери вошли в систему представлений и символов «зооморфного кода», которая составляет существенный пласт якутской культуры. Зооморфные образы – персонажи эпоса олонхо, герои сказок, участники ритуально-обрядовых действий, которые могли рассматриваться как тотем или образы «другого», превратились в элементы современной айдентики: в виде сувенирной продукции, брендов, логотипов, анимационных персонажей, складываясь в единый культурный паттерн.

Якутская культура сохраняет и транслирует образы пушных зверей. Их изображения используются в качестве торговых марок, становятся символами организаций. В этой связи можно упомянуть концерн «Сахабулт» – одно из крупнейших предприятий местной промышленности республики, на логотипе которого красуется соболь. Концерн больше 30-ти лет изготавливает высококачественные товары, отражающие самобытность народа саха. Название организации возникло от словосочетания «якутская охота», что отражает концепцию компании, целью которой является развитие и популяризация традиционных народных промыслов, производство, способствующее формированию позитивного имиджа региона.

Показательно, что соболь стал талисманом V зимних спортивных игр в Якутии. Подобно символам Олимпийских игр, мягкая игрушка достается только победителям и призерам игр. По словам организаторов соревнований, соболь приносит удачу, знает все о спортивной дисциплине. У мягкого талисмана повязан шарф – символ благородства и чистоты намерений [Пресс-служба].

Живя на самой холодной территории, народ саха знает толк в том, как защититься от холода. Детей с малых лет укутывают в натуральный мех и шерсть. Мужчины одевают своих жен и дочерей в меха, чтобы те дали здоровое потомство и чтобы показать собственный достаток. Жизнь саха связана с мехом и протекает внутри меха. Образы пушных зверей помогают осмыслить и репрезентовать якутскую культуру, раскрывая её в самых разных аспектах. Все это говорит, о преемственности традиций в культуре саха на современном этапе и сохранении ее «зооморфных кодов».

Библиографический список

1. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. 314 с.
2. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск : Наука, 1975. 197 с.
3. Багдарыын Сүлбэ Аатта тал: [Сахалыы ааттар]. Дьокуускай : Бичик, 1998. 47 с.
4. Багдарыын Сүлбэ Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. Якутскай : Саха сириинээҕи кинигэ издательствота, 1982. 230 с.
5. Багдарыын Сүлбэ Топонимика Якутии: краткий научно-популярный очерк / отв. ред. П. А. Слепцов. 2-е, испр. и доп. изд. Якутск : Бичик, 2004. 190 с.
6. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. Москва : Наука, 1977. 244 с.
7. Гурвич И. С. Оленекские и Анабарские якуты (историко-этнографический очерк). Москва, 1940. 19 с.
8. Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск : Наука, 2004. 309 с.
9. Зыков Ф. М. Ювелирные изделия якутов. Якутск : Якутское книжное издательство, 1976. 60 с.
10. Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск : Типография НКП, 1923. 107 с.
11. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. В 2-х ч. Ч. II. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Санкт-Петербург : Типография Академии наук, 1869. 310 с.
12. Неустроев Б. Ф. Саха ойуута-бичигэ. Узоры и орнаменты саха / Б. Ф. Неустроев, Мандар Уус. Якутск : Бичик, 2010. 144 с.
13. Николаев С. И. Народ саха. Якутск : Якутский край, 2009. 300 с.
14. Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо. Якутск : Якутское книжное издательство, 1975. 438 с.
15. Окладников А. П. Писаницы бассейна реки Алдан / А. П. Окладников, А. И. Мазин. Новосибирск : Наука, 1979. 152 с.
16. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 1280 стб.
17. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 2508 стб.
18. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 3858 стб.
19. Пресс-служба ГБУ РС (Я) «СШОР “Алдан”». URL: <https://telegra.ph/Sobol--talisman-V-Spartakiady-zimnih-vidov-sporta-Respubliki-Saha-Yakutiya-03-30> (дата обращения: 06.10.2024).
20. Саввинов А. И. Этнографические материалы А. А. Саввина: одежда и украшения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 27–38.
21. Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов северо-востока Сибири (историко-этнографический обзор и именник). Якутск : Якутское книжное издательство, 1985. 200 с.
22. Содномпилова М. М. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов / М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 48–63.

23. Федоров А. С. Саха төрүт оонньуулар. Дьокуускай : Бичик, 2012. 95 с.
24. Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Москва : Наука, 1980. 130 с.
25. Якутские народные сказки. Новосибирск : Наука, 2008. 458 с.
26. Яницкий Н. Торговля пушным товаром в XVII веке. Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира Акц. О-ва печатн. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1912. 33 с.

Reference list

1. Alekseev N. A. Rannie formy religii tjurkojazychnyh narodov Sibiri = Early religious forms of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otделение, 1980. 314 s.
2. Alekseev N. A. Tradicionnye religioznye verovaniya jakutov v XIX – nachale XX v. = Traditional religious beliefs of the Yakuts in the XIX – early XX centuries. Novosibirsk : Nauka, 1975. 197 s.
3. Bagdaryyn Sylbje Aatta tal: [Sahalyy aattar] = Aatta tal: [Sakhalyy aattar]. D'okuuskaj : Bichik, 1998. 47 s.
4. Bagdaryyn Sylbje Dojdu surahtaah, alaas aattaah = Doidu surahtaah, alaas aattaah. Jakutskaj : Saha sirinjejeji kinigje izdatel'stvota, 1982. 230 s.
5. Bagdaryyn Sjulbje Toponimika Jakutii: kratkij nauchno-populjarnyj ocherk = Toponymy of Yakutia: a brief popular science essay / otv. red. P. A. Slepcev. 2-e, ispr. i dop. izd. Jakutsk : Bichik, 2004. 190 s.
6. Gurvich I. S. Kul'tura severnyh jakutov-olenevodov = Northern Yakut reindeer herder culture. Moskva : Nauka, 1977. 244 s.
7. Gurvich I. S. Olenekskie i Anabarskie jakuty (istoriko-jetnograficheskij ocherk) = Olenek and Anabar Yakuts (historical and ethnographic essay). Moskva, 1940. 19 s.
8. Zaharova A. E. Arhaicheskaja ritual'no-obryadovaja simvolika naroda saha (po materialam olonho) = Archaic ritual and ritual symbols of the Sakha people (based on olonkho materials). Novosibirsk : Nauka, 2004. 309 s.
9. Zikov F. M. Juvelimye izdelija jakutov = Yakut jewelry. Jakutsk : Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 60 s.
10. Kulakovskij A. E. Materialy dlja izuchenija verovanij jakutov = Materials for the study of Yakut beliefs. Jakutsk : Tipografija NKP, 1923. 107 s.
11. Middendorf A. Puteshestvie na sever i vostok sibiri = Travel to the north and east of Siberia. V 2-h ch. Ch. II. Sever i Vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Sankt-Peterburg : Tipografija Akademii nauk, 1869. 310 s.
12. Neustroev B. F. Saha ojuuta-bichigje. Uzory i ornamenti saha = Saha oyuuta-bichige. Saha patterns and ornaments / B. F. Neustroev, Mandar Uus. Jakutsk : Bichik, 2010. 144 s.
13. Nikolaev S. I. Narod saha = Saha people. Jakutsk : Jakutskij kraj, 2009. 300 s.
14. Ojunsij P. A. Njurgun Bootur Stremitel'nyj: Jakutskij geroicheskij jepos olonho = Nyurgun Bootur Swift: Yakut heroic epic olonkho. Jakutsk : Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 438 s.
15. Okladnikov A. P. Pisanicy bassejna reki Aldan = Scribbles of the Aldan River Basin / A. P. Okladnikov, A. I. Mazin. Novosibirsk : Nauka, 1979. 152 s.
16. Pekarskij Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka = Yakut language dictionary: v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. 1280 stb.
17. Pekarskij Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka = Yakut language dictionary: v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. 2508 stb.
18. Pekarskij Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka = Yakut language dictionary: v 3 t. T. 3. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. 3858 stb.
19. Press-sluzhba GBU DO RS (Ja) «SShOR «Aldan» = Press service of SBI AE RS (Z) «SSOR «Aldan»». URL: <https://telegra.ph/Sobol--talisman-V-Spartakiady-zimnih-vidov-sporta-Respubliki-Saha-Yakutiya-03-30> (data obrashhenija: 06.10.2024).
20. Savvinov A. I. Jetnograficheskie materialy A. A. Savvina: odezhda i ukrashenija = Ethnographic materials of A. A. Savvin: clothes and jewelry // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2018. № 2 (23). S. 27–38.
21. Safronov F. G. Dohristianskie lichnye imena narodov severo-vostoka Sibiri (istoriko-jetnograficheskij obzor i imennik) = Pre-Christian personal names of the peoples of northeast Siberia (historical and ethnographic review and name). Jakutsk : Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 200 s.
22. Sodnompilova M. M. Zoomorfnyj kod v kontekste jetnogeneticheskikh svjazej: lisa v tradicionnyh predstavlenijah mongol'skikh narodov = Zoomorphic code in the context of ethnogenetic relations: fox in traditional representations of Mongolian peoples / M. M. Sodnompilova, B. Z. Nanzatov // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 15. S. 48–63.
23. Fedorov A. S. Saha turut oonn'uulara = Saha turut oonnhuulara. D'okuuskaj : Bichik, 2012. 95 s.
24. Formozov A. A. Pamjatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR = Monuments of primitive art on the territory of the USSR. Moskva : Nauka, 1980. 130 s.
25. Jakutskie narodnye skazki = Yakut folk tales. Novosibirsk : Nauka, 2008. 458 s.
26. Janickij N. Torgovlja pushnym tovarom v XVII veke = Fur trade in the 17-th century. Kiev : Tipografija Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira Akc. O-va печатн. i izd. dela N.T. Korchak-Novickogo, 1912. 33 s.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.